

Персонализм во Франции: 1932–1982

Вдовина И.С.,

д. филос. н., главный научный сотрудник
сектора современной западной философии

Института философии РАН,

Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

ORCID ID: 0000-0002-1003-2108

isvdovina@mail.ru

Аннотация: В статье представлен анализ истории философского течения XX века французского персонализма, в основе которого находятся тексты выступлений ведущих его теоретиков на коллоквиуме, организованном в январе 1985 г. «Сообществом друзей Эмманюэля Мунье», основателя и ведущего теоретика течения. Коллоквиум посвящён пятидесятилетию со времени выхода в свет первого номера теоретического органа французского персонализма — журнала *Esprit* (октябрь, 1932). В ходе заседаний выступили 24 докладчика из Франции, Великобритании, Италии, Бразилии, Ливана и др.; среди них те, кто сотрудничал с *Esprit*, начиная с первых его номеров. Материалы коллоквиума были опубликованы в 1985 г. под названием «Персонализм Эмманюэля Мунье вчера и завтра. К пятидесятилетию».

Ключевые слова: личность, субъективность, сознание, бессознательное, вовлечение, убеждённость, творчество, человеческая взаимность

В январе 1985 г. в Париже состоялся коллоквиум, организованный «Сообществом друзей Эмманюэля Мунье»; он был посвящён пятидесятилетию со времени выхода в свет первого номера журнала *Esprit* (октябрь, 1932), свидетельствовавшего о зарождении во Франции философского направления персонализма. Его сторонники считали высшим смыслом земной цивилизации формирование человека-личности как духовного существа, самостоятельного и свободного в своём бытии, развивающего собственное призвание посредством творческих актов. Концепция личности разрабатывалась ими в ходе осмысления гуманистической традиции в истории философии, идущей от Сократа, Августина и Платона, а затем Лейбница, Канта, Мальбранша, Руссо, Мен де Бирана, Кьеркегора, Ницше, Шелера, Бубера, Бергсона, Бердяева, Маритена, Ясперса и Марселя.

Материалы коллоквиума были опубликованы в 1985 г. под таким названием: «Персонализм Эмманюэля Мунье вчера и завтра. К пятидесятилетию» [8]. В ходе заседаний выступили 24 докладчика, и среди них те, кто сотрудничал с *Esprit*, начиная с первых его номеров:

— Бертран д'Асторг (Bertran d'Astorg) — французский писатель, автор статей в журнале *Esprit*, начиная с 1935 года; член его директората в 1957–1976 гг.;

— Этьен Борн (Etienne Borne) — философ, сотрудничал с журналом *Esprit*, также начиная с первых его номеров, автор книги «Мунье» (Mounier. Paris, Seghers, 1972);

— Жан Лакруа (Jean Lacroix) — философ и историк философии, один из ведущих представителей французского персонализма, вместе с Э. Мунье стоявший у истоков этого философского течения в 1932–1957 гг.; Ж. Лакруа — активный корреспондент *Esprit*, автор работ «Персонализм как анти-идеология» (1973), «Персонализм» (1980);

— Полетт Э. Мунье (Paulette E. Mounier) — жена Эмманюэля Мунье; ответственный редактор журнала *Esprit* в 30–50-х гг. XX века, в последующем ответственная за Библиотеку и Бюллетень «Сообщества друзей Эмманюэля Мунье».

В коллоквиуме также приняли участие:

— итальянский публицист Джорджис Эттори де (Giorgis Ettore de), автор статей о персонализме в журнале *Vita Sociale* в 1969–1975 гг.;

— канадский профессор истории Джон Хеллман (John Hellman), автор работы «Эмманюэль Мунье и новые левые католики. 1930–1950» (1980);

— Жан-Вильям Лапьер (Jean-William Lapierre), профессор социологии, сотрудничал с *Esprit*, начиная с 1947 г.;

— Рене Ремон (René Rémond), профессор истории, автор работ «Католики, коммунизм и кризисы. 1929–1939» (1960), «Католики во Франции в 30-х годах» (1979);

— Пьер-Эме Тушар (Pierre-Aimé Touchard) — бывший директор французского национального театра *Comédie-Française* и французский поэт Эдмон Юмо (Edmond Humeau), сотрудничавшие с *Esprit* в 1933–1950 гг.;

— Поль Фресс (Paul Fraise) — профессор психологии, член директората *Esprit* в 1938–1957 гг., основатель «Объединения друзей Мунье» (*Association des amis d'Emmanuel Mounier*) и его президент в 1950–1984 гг., и др.

Наиболее значимыми в теоретическом плане можно выделить следующие выступления на коллоквиуме: Жан Лакруа, «Мунье и создание *Esprit*»; Поль Рикёр, «Мунье — философ»; Поль Фресс, «Надежда отчаявшихся».

Начнём же мы наш обзор со вступительной статьи к материалам коллоквиума «Персонализм Эмманюэля Мунье вчера и завтра. К пятидесятилетию», с «Введения» к ним, написанному Полем Фрессом, и с речи Полетт Эмманюэль Мунье, открывшей работу коллоквиума.

Поль Фресс (1911–1996)

Поль Фресс — французский психолог, специалист по экспериментальной психологии; внёс существенный вклад в развитие психологической науки во Франции; осуществил важнейшие экспериментальные исследования, призванные прояснить сущность восприятия времени; в 1961–1969 гг. директор Института психологии университета Сорбонны. П. Фресс разделял идеи личностной философии французского персонализма, был знаком с его создателем Э. Мунье; в 1938–1957 гг. входил в директорат журнала *Esprit*. В 1950 г. под руководством Поля Фресса создано «Сообщество друзей Мунье», которое он возглавлял до 1984 г.

Фресс П.

Введение

Мне было двадцать лет, когда я, будучи студентом, открыл первый номер *Esprit*. Следующей зимой в Лионе я прослушал «похвальное слово силе» Эмманюэля Мунье¹. Я был сражён и остался верным журналу, а начиная с 1938 года — и самому Мунье.

Пятьдесят лет спустя мы вспоминаем об этом. Все, кто хранит память о годах с 1932-го по 1950-й, мечтали о том, чтобы встретиться с теми, кто, спустя годы, один за другим открывали для себя Мунье и персонализм. В итоге мы организовали colloquium, который работал 30–31 октября и 1 ноября 1982 года в Дурдане, чтобы углубиться в историю персонализма и обозначить его задачи на будущее².

Мы в количестве 150 человек провели 3 дня в Дурдане. Атмосфера была сердечной, тёплой; здесь объединились старинные друзья и молодые люди, вместе испытывающие воодушевление.

Уровень выступлений был на такой высоте, какую все мы и ожидали. В данной книге отмечены лишь основные темы, обсуждавшиеся в эти дни. Основные сообщения сопровождалось свидетельствами, а вслед за ними дискуссиями, продолжавшимися в кулуарах, салонах, за круглыми столами.

Мы подумали, что следовало бы разделить такое богатство со многими. Настоящим изданием мы отмечаем определённую дату в истории персонализма — то время, когда он только что зародился.

Полетт Эмманюэль Мунье

(в 30–50-х годах XX века ответственный
редактор журнала; жена Эмманюэля Мунье)

Вступление

С большим удовольствием я открываю настоящий Коллоквиум, посвящённый пятидесятилетию со дня основания журнала *Esprit* в октябре 1932 года; он состоится благодаря неустанной деятельности Поля Фресса, президента нашего Сообщества.

Сегодня утром я буду председательствовать на нашем собрании; мы приветствуем всех и благодарим за то, что вы присоединились к этому мероприятию. Многие из вас приехали издалека; здесь присутствуют наши друзья из Ливана, Канады, Бельгии, Великобритании, Италии, Швейцарии, Испании... на этом я останавливаюсь. Друзья-конголезцы также среди нас, однако здесь нет никого из наших многочисленных польских друзей, которые не смогли присоединиться к нам из-за решения их правительства. Многие из

¹ Суждения Э. Мунье о силе и о судьбе духовности опубликованы в журнале *Esprit* [11]. (Прим. перев.)

² Коллоквиум был организован «Сообществом друзей Эмманюэля Мунье» по адресу: Chatanay-Malabry, rue Henry-Matton, 19.

У Сообщества есть открытая для всех библиотека, где собраны работы, посвящённые персонализму. Оно также выпускает «Бюллетень», главным редактором которого является Полетт Мунье.

Ссылки авторов на работы Э. Мунье сделаны по его трудам, опубликованным в 4 томах издательством Seuil [14–17].

первого выпуска Esprit здесь присутствуют, с нами также молодые люди, посетители нашей библиотеки, изучающие Мунье. Всем мы говорим: спасибо.

Если сегодня утром я являюсь здесь председателем и избрана для того, чтобы открыть настоящий Коллоквиум, так это ещё и потому, что я была соратницей Мунье. И эти два титула — председатель и повседневная соратница Мунье на протяжении 30 лет — дают мне возможность сказать вам несколько слов, которые станут одновременно живым свидетельством и вступлением к трём дням нашей дружеской встречи, к совместным размышлениям. Задача на самом деле нелёгкая, и вы сразу же заметите это. Вступительная речь, которую я сейчас произнесу, будет освящена нашей любовью и станет частью нашей жизни. Я прекрасно знаю, что любовь является введением в то, что Мунье называет своего рода «со-естеством» с другим, но я также знаю, что именно поэтому с моей стороны здесь будет проскальзывать неосознаваемая мною субъективность. Субъективность, которую я постараюсь сегодня максимально раскрыть, в основном будет опираться на рефлексию и деятельность Мунье, на отклики на них, поскольку наши общие заботы касались именно их, и зачастую мы вместе публично их переживали.

Каковы были мотивы, следуя которым Мунье создавал Esprit? Мотивы достаточно сильные, коль скоро они заставили его оставить стабильную университетскую карьеру (он был агреже по философии в те же годы, что и Жан-Поль Сартр, и Реймон Арон) и пойти на рискованную в материальном и духовном плане авантюру? В каком положении пребывал он, испытывая этот свой порыв? Что намеревался он предложить и защищать?

На эти вопросы может быть достаточным лишь один ответ, и он представляется мне очевидным как в своей простоте, так и в своей усложнённости. Его главной озабоченностью, главным пунктом, откуда он говорил, был ЧЕЛОВЕК — разумеется, и мужчина, и женщина. Человек и основные условия его освобождения в 1932 году, когда он существовал в обществе, раздавленном надвигающимся кризисом цивилизации, таким же, какой мы переживаем сегодня, в 1982 году. «На первом месте стоят проблемы человека», — писал он во вступительной статье к Журналу: Возродить Возрождение. Он повторит это в 1935 году: «Раздавленный машиной, отделённый от самого себя, изгнанный из отечества, которое некогда поддерживало его. Усечённый внутри, подверженный угрозам извне. Стало быть, необходимо говорить о человеке» [14, р. 153].

При любых обстоятельствах и каким бы ни был обсуждаемый субъект, первое место неизменно принадлежит человеку, — вот о ком он размышляет прежде всего: именно исходя из него, и только из него, политические, социальные, культурные, экономические и иные проблемы будут организовываться, чтобы служить ему. И ничего другого — такого, когда структуры покажутся первичными, а человек на службе у них.

Стоит ли распространяться и тотчас же уточнять, на каком образе человека Мунье был сосредоточен и заявлял о нём; по существу, это и есть понятие личности. Понятие, заметим мимоходом, всегда активно исследуемое и пересматриваемое им — с годами и в зависимости от обстоятельств. Я попытаюсь шаг за шагом обозначить три устремлённых к одной цели подхода.

1. Прежде всего, этот подход сразу же отвергает «искусственного человека», и статья, из которой я только что приводила цитату, подтверждает это [14, р. 163 и сл.]. Такой человек в его глазах (скажем кратко) — это тот, кто пассивно подчинён политическим, социальным и культурным идеологиям, и, вместе с тем, будучи свободным и бессознательно

опасающимся столкнуться с ними, избегает их. Это тот, кто эгоцентрично замыкается в узком круге своих устоявшихся привычек и потребностей, которые затмевают собой любое желание и творческую жизнь. Это также тот, кто предпочитает беспечность любым побуждениям к приключениям и к удали, свойственным полнокровной жизни.

Нет, тот, кого он намеревается воссоздать, так это человек, живущий полнокровно, человек, чьи глаза открыты миру, который умеет великодушно отринуть собственное эгоцентричное «я». Человек, эти глаза, обращённые на него самого, человек без глубинной двойственности, максимально сосредоточенный на самом себе: распознать линию, на которой его телесное выражение не является самоценным, а служит дополнением к его интеллектуальному и духовному самовыражению, где его разум, его разумное самовыражение продолжают его рукотворное ремесло и наоборот, — где его социальность, публичная либо профессиональная жизнь уравниваются благодаря качеству частной жизни — где произносимого им слова как такового недостаточно, и оно стремится к необходимому для ума действию. Короче говоря, человек, к которому он взывает во всех своих высказываниях, — это тот, кого он квалифицирует как «стоящего на своих ногах», «сильного» и способного сопротивляться, наделённого глубинным достоинством перед лицом любых оказываемых на него давлений, откуда бы они ни проистекали.

Требуются какие-то конкретные примеры?

Прежде всего — это он сам. Будучи ответственной за издание его книг, которые я неоднократно перечитывала после 1950 года, могу напомнить: ведь прошло совсем немного времени — тексты, которые казались очень уж абстрактными или заумными, ссылки на события или на конкретные факты, к которым он подспудно обращался. Делая это, он постоянно соотносил свои теоретические рассуждения с живой, конкретной историей...

2. Прирождённая хрупкость человека господствует в его инстинктах и чувствах. Хрупкость человека, которая, тем не менее, в наших западных демократиях предполагает максимальную свободу, насколько такая возможна. Как заставить человека перейти от этой исходной хрупкости ко внутренней силе?

Вопрос этот для Мунье был безотлагателен и первенствовал над всеми другим: сама эта хрупкость, это постоянное тяготение к пассивности вели к тому, что наши дни протекали как бы без нашего присутствия в нас самих — разве это лежало у истоков нашего *страха* перед самой жизнью и перед нами самими?

Он напряжённо думал об этом, он, который помнил о «более глубоком, основополагающем страхе услышать потаённый голос нас самих» в статье, где дискутировал с марксистами: «Реальное не существует ни для кого»³. Этот страх, страх перед нашей сущностной тоской, связанный с личностным существованием как таковым, с ужасающим таинством его свободы, с его выявленной борьбой, с безумным исследованием, где страх распространяется на всех и вся, — о нём он говорит и в 1949 году в «Персонализме» [16, р. 465–466], во всём его тексте, который он, однако, назвал так: «Головокружительные глубины». Именно этот глубинный голос, который постоянно вызывает в нас внутренние

³ Заглавие статьи, опубликованной в *Esprit* в феврале 1947 года [12].

драмы и борьбу, именно он порождает по ту сторону нашей изначальной чувствительности нашу собственную хрупкость.

Надо осмелиться услышать этот голос. «Пока мы не проникли в ту присущую нам самим глубинную драму, не соприкоснулись с её существом, наша деятельность остаётся лишь суетой, не имеющей продолжения». Вступать или не вступать в эту драму зависит лишь от нашей изначальной ответственности. Так что мы либо прячемся за ней и отвергаем глубинный глас в нашей бессознательной жизни, шаг за шагом становясь людьми окостеневшими, людьми без тревог, людьми искусственными, которых Мунье отвергал сходу. Либо мы принимаем нашу внутреннюю драматичность и с открытыми глазами, напряжённо боремся с инертностью нашей текущей жизнью, допуская, что мы зачастую находимся в ней, либо пройдя через трагические события, болезнь, смерть, либо просто-напросто из-за качества нашего воспитания. Тогда и только тогда мы шаг за шагом становимся нами самими, присутствующими и во тьме; в медленном и робком самоосознании мы открываем, что для того, чтобы вырваться из нашего страха перед жизнью и перед нашей тревогой, перед лицом этих «головокружительных глубин», нам надо признать превосходящие нас самих таинство и необходимость.

Этот смысл нашего продвижения одновременно *за пределы* нашего ясного осознания и нашего рационального знания, укоренённого *более глубоко* в нашем бытии, раскрывается в нас, каковы бы ни были в данном случае события нашей жизни, благодаря *силе* творчества и созидания, радости жить и быть признанными. Очевидно, что по существу речь идёт о преодолении всего нашего бытия, хотя оно само является его составной частью: я говорю здесь о жизни духа в нас самих.

Это — главное, однако для Мунье оно было вычеркнуто из западного мира тридцатых годов. «Мир терпит катастрофу: один лишь дух может вернуть машину в движение, он предаст себя, если не обратит на это внимание», — писал он в 1935 году [14, р. 151]. Он, между тем, в состоянии восполнить нечто, что бы и где бы то ни было. Одни будут раскрывать эту жизнь духа в своей бесконечной вере, другие — пребывая в действенном благодушии при бесконечном, но необходимом для их жизни выборе. Очевидно, что духовная жизнь берётся здесь в самом широком смысле. Она для Мунье — глубинный и вместе с тем первичный смысл личности. Благодаря ей и, конечно же, благодаря *силе*, которую мы признаём за ней, для всех нас, для любого человека постепенно раскрываются основополагающие этические ценности.

«В центре персонализма, — писал он в 1947 году, — [существует] устойчивая ось ценностей. Но если её направленность чёткая и постоянная, то поле её исторической реализации непрерывно меняет свою конфигурацию» [16, р. 241]. «Эти ценности [...] должны периодически гибнуть вместе с их скоропреходящими выражениями» [16, р. 203]. Ось, а не навязанная иерархия. Подчеркнём это ещё раз: значение требований по отношению к нам и, как мы увидим, к другим, ценности социальной справедливости, права и долга, ценности эстетические, ценности отваги и требуемые ею порывы... на этом я останавливаюсь; по существу, именно о них мы размышляли. В 1949 году он повторит: «В итоге мы живём лишь в тот момент, когда создаём себя как внутренний четырёхугольник ценностей, или приверженностей, о которых мы знаем, что даже угроза смерти не обратит нас против них» [16, р. 489–490]. Именно эти ценности куют наш характер, формируя нашу

позицию и поведение, нацеленное на открытия, великодушные и, добавим, на жизненную силу.

Духовное — таков, говорим мы, изначальный смысл личности. К тому же оно присуще и более социализированным ценностям, идёт ли речь о политике, технике или науке, которые, по Мунье, должны всегда переживаться и поддерживаться каждым человеком. Политика присутствует всюду, но она не есть всё. А это, беспрестанно повторял Мунье, говорит о первенстве духовной жизни в человеке, во всём том, что воодушевляет его.

3. В последний раз я возвращаюсь к понятию о человеке, как его определял Мунье. Сразу же скажу, что духовно живущая личность, та личность, какую я постараюсь представить, останется абсолютно незавершённой, пустым звуком, если я не буду сразу же и со всей силой говорить о дополняющей её и вместе с тем необходимой оси: мы не одиноки в мире, мы — существа социальные, мы пребываем *в отношении с другими*. Если самопреодоление является первейшим условием нашей внутренней свободы, оно, подчеркнём это ещё раз, является таковым и в нашем отношении к другому и к миру, который окружает нас настолько, насколько это возможно. (*Вспомним здесь, что Журнал изначально замыслился как международный.*) Нас всех связывает одно и то же.

«Личность и общество». Одно не существует без другого; здесь, сколько же нужно это повторять, три термина, где «и» столь же важно, что и два других, оно — самое важное из трёх. Именно в нём я присоединяюсь к двум другим, именно оно вырисовывает мою собственную *позицию*, связывая или не связывая всю её свободу, её силу и ответственность человека. Именно в нём во многом вырисовывается моё собственное политическое, социальное и иные видения. В этом «и», наконец, я могу, в случае необходимости, с помощью особенностей собственного взгляда — либо сухого и недоверчивого, либо, напротив, тёплого и доверительного — установить с другим поверхностное или, напротив, живое и подлинное отношение.

Такое духовное качество глубинной позиции я хотела бы видеть и у другого. Более того, я буду защищать его, где бы оно ни служило установлению равновесного отношения между личностью и сообществом. Стало быть, усиленный акцент нужно делать на отдельной личности, так что эгоцентрический индивидуализм может тут же выявить себя. Пусть это последнее отношение будет либо сведено к минимуму, либо отмечено в пользу коллективности, общности, и мы окажемся скорее на склоне холма, нежели в опасных условиях тоталитарных режимов.

Стало быть, нам надо бороться за справедливое жизненное отношение, которое защищает свободу, а также за ответственность каждого человека за его действия как таковые. В 1947 году Мунье пишет: «Персонализм берёт на себя ответственность за возрастание тоталитаризма, он родился из-за него, против него, он выступает за борьбу личности против гнёта со стороны аппаратов [16, р. 181]. Угнетение аппаратами происходит повсюду, где попираются права человека, — и в третьем мире, и, увы, очень часто в наших западных демократиях через приоритет продуктивизма в мире денег, скрытую тягу к власти и т. п.

Для нас существует тысяча способов защитить это живое и справедливое отношение, сделать так, чтобы оно вовлекало нас либо в масштабные действия, либо в точечные поступки. «Мощь нашего мышления — в деятельности» [14, р. 151]. Для себя Мунье выбрал

такую деятельность: творчески вести журнал, который экстраполирует и привлекает внимание ко всем нашим озабоченностям путём неразрывно связанных друг с другом рефлексий и действием. Начиная с 30-х годов, в многочисленных номерах Журнала он стремился привлечь внимание общественности к многочисленным и часто сменяющим друг друга проблемам: «Деньги и частная жизнь», «Разрыв между христианским порядком и устоявшимся беспорядком», «Фашистские псевдодуховные ценности: выбор позиции» и т. п.

Наши дни посвящены основанию Журнала. Я сказала об этом в самом начале и теперь останавливаюсь, поскольку хочу подчеркнуть его значение. И я знаю из опыта нашей повседневной жизни, что оно, это значение, велико своими размышлениями и своим духовным воздействием. То и другое поддерживают друг друга — в этом ключ их единства в политическом и социальном, воспитательном и культурном плане. И во всём ином, что будет широко представлено в течение этих трёх дней совместной работы и дружбы.

Жан Лакруа (1900–1986)

Жан Лакруа вместе с Эмманюэлем Мунье стоял у истоков французского персонализма как философского течения. Они познакомились в 1928 г. — именно тогда у Э. Мунье зародилась идея создания журнала *Esprit* (основанного в 1932 г.), ставшего теоретическим органом французского персонализма. В первом номере *Esprit* по просьбе Э. Мунье Ж. Лакруа опубликовал статью под названием «Индивидуализм и социализм». В дальнейшем, в 1932–1957 гг., он — активный корреспондент журнала, автор публикаций по проблемам личности, философии права, социализма, молодёжи, семьи, атеизма, об ответственности христиан в современном мире.

Ж. Лакруа считал персонализм не отдельным течением в философии, а фундаментальным проектом человеческой цивилизации и подлинной философией XX века. Истоки личностной позиции в философии он находил в Античности, у Сократа, Платона, Аристотеля. Учениями, наиболее одухотворёнными личностными идеями в XX веке, были для Лакруа экзистенциализм и марксизм: в центре внимания экзистенциализма — внутренний мир человека; сторонников марксизма более всего интересует «внешний мир» человека, его обусловленность социально-экономическими, политическими и т. п. условиями. В соединении экзистенциализма и марксизма и их переработке в персоналистском ключе философ видел путь к построению подлинного учения о человеке. Жерар Люроль, исследователь жизни и творчества основоположника французского персонализма⁴, отмечает, что Ж. Лакруа был в числе главных разработчиков основных направлений деятельности *Esprit* и его теоретической платформы, организатором персоналистских групп интеллектуалов в Дижоне и Лионе, постоянным и активным корреспондентом журнала *Esprit*⁵.

⁴ Жерар Люроль (р. 1944) — доктор истории философии, преподаватель философии воспитания в Высшей нормальной школе Парижа, в Центрах педагогического образования в Париже и Лилле; автор ряда книг [9–10]; лауреат премии «Объединения Друзей Э. Мунье» (1986). (Прим. перев.)

⁵ См.: [10]. (Прим. перев.)

**Лакруа Ж.
Мунье и создание Esprit⁶**

Лично я познакомился с Мунье в 1928 году, в Париже, когда он закончил своё выступление на агрегации⁷ по философии. В Гренобле я впервые услышал нечто о нём, как и он впервые услышал что-то обо мне. Я сам представился ему по окончании его выступления, и мы поговорили чуть ли не обо всём, но не об экзамене. После этого совместно проведённого часа начала просматриваться мысль о журнале Esprit — буквально до его создания в октябре 1932 года; я и Мунье оказались связанными друг с другом вплоть до его ухода из жизни в 1950 году. В 1931 году я получил назначение в Дижон, что позволило мне часто бывать в Париже. Затем, в 1937 году, в Лионе. В 1932 году незадолго до создания журнала я возвратился в Фонт-Ремё, где обсуждался и готовился его проект. Однако жестокий грипп сделал для меня невозможным участие в собрании, связанном с выходом Esprit. Мунье просил меня написать статью в первый номер журнала, что я и сделал, хотя был ещё очень слаб. Начиная с 1928 года Мунье постоянно повторял: «В итоге, стать агреже — да я чихал на это. Никакой агрегации — вот что для меня главное». Эти две чёткие и краткие фразы говорили о перерождении Мунье, свидетельствуя о его будущем, о его сущности и подлинном становлении. Создание, формирование журнала продолжалось вплоть до 1932 года именно потому, что Мунье в течение четырёх лет буквально «выкапывал» его смысл и его грядущую силу. Прежде всего я хотел бы показать, как в это время он углублял своё мышление, свои «преобразования», три из которых были определяющими и существеннейшими; затем я покажу, каким образом Мунье-автор уточнял своё собственное призвание в первых номерах журнала 1932–1933 годов.

1. Самоуглубление Мунье в 1928–1932 годах

Первое «преобразование» побудило его перейти от медицинских изысканий к философским исследованиям⁸. Глубинного преобразования здесь молодой Мунье полностью не совершил. Речь шла не столько о «да» по отношению к философии, сколько о «нет» по отношению к медицине. Глубокая вера в познание оказалась для него отказом ото всего того, что таковым не является... В середине 1924 года он начинает не просто «проедать» жизнь — он делает первое отступление от неё: он прочитывает жизнь «в пламенном свете необходимости свернуть с пути». В следующем году он пишет сестре: «Когда наш желудок не пуст, нам надо делать одну или сразу несколько вещей. В прошлом году я совершил превращение, ты делаешь то же самое в этом году». Через два года он напишет ей более отчётливо: «Мы все пережили столько кризисов. Жизнь казалась мне

⁶ См.: [6]. (Прим. перев.)

⁷ Агрегация (agrégation) — конкурсные экзамены по присвоению учёного звания агреже (agrégé) — специалиста высокой квалификации по тому или иному предмету (их более 20). (Прим. перев.)

⁸ Отец Э. Мунье, фармацевт по специальности, хотел, чтобы сын посвятил себя медицине, но Эмманюэль выбрал свой путь — философию. (Прим. перев.)

чёрной дырой, и я был в отчаянии... Всякий раз, испытывая нечто подобное, я приходил к такому решению: постоянно *отдавать себя* — всему, всему на свете» [19, р. 940].

Он отдаёт себя истории как дисциплине, которая идёт от самого Бога. Если его первой заботой был поиск объективной истины, то любовь к ней не следовало отделять от людской смертности. Если он судил и критиковал, то делал это ради того, чтобы помогать. Целью его было уже не осуждение, не отвержение, а поиск материала для рефлексии и для объединения. Все его силы были направлены на то, чтобы сделать из современной истории размышление о современных ему людях. Начиная с 1930 года, он отчётливо понимает, каким ему надо быть, поскольку личность вовсе не завершена: мы никогда не прекратим становиться самими собой, а это необходимо для того, чтобы содействовать становлению других. Именно тогда в нём укоренилось тройственное чувство:

1) чувство того, что цикл творчества по-французски уже завершён, что в нём имело место нечто такое, что заставляет считать, будто уже невозможно о чём-либо писать, «что нам, уже другим, пианистам двадцати пяти лет, не досталось фортепиано»;

2) всё более и более усиливающееся страдание от того, что наше христианство солидаризируется с тем, что он позже назовёт «установившимся беспорядком и желанием совершить прорыв»;

3) понимание зарождающегося экономического кризиса как всеобщего кризиса цивилизации; к этому добавляется восприятие воспитания таким, каким его обусловило само французское государство. Отсюда, наконец, вытекает последнее, коренное заключение: всеобщая бедность, из которой рождаются действия.

Решение, даже если его будет необходимо изменить, найдено; главное — не видеть в качестве будущего медицину и научное образование. Агрегация в философии зачастую ведёт к преподаванию. Однако такого рода преобразование фактически является не столько интеллектуальным, сколько духовным. Если Мунье принял решение в пользу философии, так это для того, чтобы использовать её в плане подлинного обучения. Очень скоро он поймёт, что радикальная добродетель великодушия будет призывать его к другому самопожертвованию. Преподавание не было отвергнуто, однако оно не виделось ему в качестве самого главного: надо выбирать то, к чему стремишься, чего жаждешь. Необходимо ещё одно преобразование, преобразование иного типа — перестройка обучения и вовлечённой деятельности. Психологически оно родилось из подвижничества. Такая позиция, скорее духовная, нежели моральная, состоит в своего рода полном изменении бытия и одновременно с этим — повседневных задач, какими бы они ни были сегодня. Здесь истина всё ещё проявляет себя в сознании с помощью «нет». Понятие вовлечения оказывается двойственным, а потому диалектичным. В этом драма рассудка. Она указывает ему на развитие трёх соединений: того, что находится под ним — это материя, куда рассудок должен ввести божественную искру; рядом с материей — общество людей, сквозь которое его любовь должна пройти, чтобы соединиться с его судьбой; над ним — целостность духа, который с его же согласия дарует себя ему и выводит его за его пределы. Заполучив второе по собственному желанию, Мунье спрашивает себя: «Достаточно ли оно философично?..»

Главное — это формирование личности, что требует трёх фундаментальных установок: размышление в поисках собственного призвания: вовлечение и признание своей воплощённости, самоотверженность, самоотдача — жизнь в «другом». Если личности недостаёт одного из этих составляющих, она приходит в упадок. Любовь управляет всем:

любовь — это единство сообщества, подобно тому, как призвание есть единство личности. Разве Ницше не говорил, что любовь всегда размышляет и о мгновении, и о вечности, но никогда — о продолжительности? Мунье не знал, что будет дальше, по истечении времени, но он не признавал упрямой и слепой прямолинейности, с креслом в конце пути: «Да, у меня есть весьма чёткое представление о *смысле* моей жизни. Для этого надо больше прислушиваться к знанию и к побуждению, нежели к руководящей линии. Я хочу принимать и отдавать, вот и всё...»

До самой своей смерти Мунье, оглядываясь назад, испытывал страх перед тем, что он мог бы «строить карьеру». К тому же он сохранял своего рода злопамятство, даже агрессивность по отношению к Университету — он хотел быть воспитателем нового человека. Такое предназначение постепенно обретало свою форму: начинала зарождаться мысль о журнале, который станет движением и мысли, и деятельности. Он читал и изучал Карла Маркса, восхищаясь им и в то же время отвергая многие из его мыслей. Он говорил и повторял знаменитую марксистскую формулировку: «Извечная родовая черта человеческой природы — это свобода».

Наконец, Мунье приходит к чему-то вполне определённом: создать журнал, где он развивал бы своё подлинное мышление, безупречное в деле *воспитания*. Для этого надо иметь много друзей, людей пишущих, которые скажут и напишут о том, что необходимо здесь для рывка вперёд. Начиная с октября 1932 года, Мунье полностью посвятит себя журналу. До этого он мог только предчувствовать, чем станет для него, для его самого глубинного бытия создание *Esprit*, которое он ощутит как настоятельное требование. Именно *Esprit* позволит ему осуществить своё заветное желание как личности: отдавать себя полностью, отдавать себя всем, быть в сообществе. Персонализм выстраивается в круге его идей прежде всего как утверждение *единства человечества*. Первичный акт мира рождается тогда, когда личность выходит за свои пределы, чтобы посвятить себя «другому». Таким образом, создание всемирного сообщества является историческим движением, внутренне присущим человеческой природе. Это — моральный долг, вменяемый всем Государствам и всем индивидам. В месяцы, предшествующие выходу журнала, Мунье говорил и повторял, что *Esprit* будет не просто журналом. «Я хочу, — утверждал он, — чтобы журнал охватывал активно действующих друзей, обращённых, следуя их призванию, либо к интеллектуальному сотрудничеству, либо к воздействию на сложившиеся мнения». Главенствующая судьба человека состоит не в господстве над природой, не в наслаждении собственной жизнью, а в последовательном общении сознаний и универсальной понятливости. Отсюда выражение «*персоналистское и общностное*». Наш коллективизм — это коллективизм разумных и свободных личностей. «Персонализм считает, что капиталистические структуры пробиваются сегодня сквозь освободительные движения человека, и они должны быть уничтожены в пользу социалистической организации производства и потребления». Персоналист не может жить как посторонний, он должен иметь шанс быть человеком перед лицом буржуазного мира, перед лицом марксизма и фашизма. Отсюда — *универсальность самой истории*. Так, в свои первые месяцы *Esprit* был на подъёме. Глубинная обоснованность выталкивала каждый номер журнала за пределы любой мысли: он всё более утверждался и углублялся. Затем он претерпит изменения, его мышление станет мышлением вовлечённым — *высвобожденным* для разного рода работ. Именно об этом Мунье скажет в 1935 году в «*Революции персоналистской и общностной*»: «Мне хотелось бы, чтобы

дружески настроенные к нам читатели не отделяли нижеследующие строки от движения, символизируемого журналом *Esprit*, который вызвал их к жизни и продолжает публиковать свои идеи изо дня в день в течение трёх лет. Я сам не смогу отделить то, что эти публикации дали движению, от того, что они от него получили. Стоящая под этими работами подпись отдельного автора почти ни о чём не говорит, ибо определённая часть моего поколения разделяет высказанные здесь позиции»⁹. Эта эволюция основана на том *смысле истории*, который и был подлинной точкой отсчёта. Философы и историки попытались раскрыть смысл не только истории прошедшей, но также и настоящей. Следовательно, надо было учитывать и то, что ещё только начинали, и то, что уже присутствовало в настоящей ситуации, не забывая об отношении и с другими явлениями. Отсюда вытекает определённая двойственность истории. Чтобы вовлекаться в историю, следует распознавать её смысл, однако не следует уж слишком прилипнуть к ней, поскольку нам неизвестна та история, которая ещё только должна быть. Если это история имеет отношение к миру в целом, она одновременно имеет отношение и к семье, к чувству семьи. Я хотел бы, не настаивая ни на чём, сослаться в качестве примера на то, как сильно Мунье поддержал свою дочь Франсуазу. Эта девочка жила годами, не умея ни думать, ни познавать, ни размышлять. Мунье часто писал своей супруге, что они с дочерью постоянно живут в условиях ужасного страдания, суть которого они смогли разузнать: «Я не хочу, чтобы мы потеряли эти дни, забывая о том, что такое они на самом деле, — писал он своей жене в 1940 году, — эти дни наполнены неведомой нам благосклонностью...» [17, р. 661].

Некоторые частные беседы порой заставляли предположить, что Мунье возвращался к своему четвёртому, последнему, превращению. Если бы он не умер в 1950 году, он, несомненно, расстался бы с *Esprit* ради последней перемены в своей жизни: в канун 1950 года он, размышляя, писал: «Стареющий человек, я, может быть, шаг за шагом смогу обрести своё главнейшее призвание, каковым является медитация. Событие станет нашим внутренним господином». Если бы этот человек остался жить, то, как представляется, его жизнь получила бы совсем другое продолжение...

То, что могло бы стать истоком его будущих дел и о чём он теперь заговорил, — это *Персоналистский интернационал*. Ни одна нация сама по себе не виделась ему способной обеспечить удовлетворение всех его потребностей, всех устремлений. Одно лишь всемирное сообщество было бы способно откликнуться на человеческие нужды во всеобщем пропитании, в культуре и безопасности. Поначалу он рассуждал о «сообществе государств». В своём «Манифесте персонализма» (1936) он уже отдавал предпочтение интернациональному сообществу, составляющими которого были бы не государства, а жизненные объединения народов, непосредственно представленные и за пределами государств, и на их стороне. Отныне Мунье будет использовать прежде всего такие понятия: всеобщее благо, права человека, мир, продолжая при этом уточнять понятие личности и именно с его помощью обосновывать свои позиции. Международный порядок основывается главным образом на «внутренней упорядоченности личности», он состоит в дисциплине, выкорчёвывающей зёрна войны, каковыми являются инстинкт господства и агрессивное злопамятство вождения. От состояния воинственности следует перейти к позитивным мирным деяниям и, прежде всего, избавить личности и общество от

⁹ См.: [14, р. 129]. (Прим. перев.)

положения отребья и от власти денег. Состояние мира «невидимо» в том плане, что оно является одновременно и моральным, и социальным. Естественное состояние наций не может быть результатом договора между государствами: оно должно стремиться перестроить общество, воздействуя на государство и имея в виду возрастание прав личностей и народов и, тем самым, служа общему универсальному благу. Основополагающее уважение личности в её социальной жизни выражает стремление к справедливости как конечному назначению прав. Таким образом, Мунье часто открывал и переоткрывал личность в её глубинности — особенно в 1928–1932 годах. Высшее стремление — это поиск бытия без надежды полностью постичь его у его истока, чтобы как можно ближе подступиться к Нему. Личность есть духовное бытие, конституированное способностью существовать и понимать, чтобы углублять себя. Духовное бытие ощущает себя всё более и более наполненным, чтобы достичь совершенного своего преобразования.

2. Эволюция Мунье в первые годы существования *Esprit*

Отныне подлинную проблему, в центре которой будет существовать Мунье и вместе с тем вращаться вокруг неё, он определит двумя словами: «Прогресс и эсхатология». Здесь необходимо одно уточнение. Просчёт прогрессизма состоит в том, что он неизменно находится на горизонтальном уровне и видит назначение человека в его включённости в историческое становление. Эсхатологическим промахом был бы отказ от истории или отдаление от неё, другими словами — отказ от воплощения. Главным же, исходя из этого, является обращение к развитию людей, которое непременно должно делать из них личности, то есть их становление в качестве личностей. В своём «Философском словаре» А. Лаланд¹⁰ отметил три смысла слова «персонализм». Он попросил Мунье уточнить этот термин, как он его понимает, раскрыть смысл его развития, и тот в ответ произнёс одну единственную фразу: «Персонализм напрямую отличается от индивидуализма, он подчёркивает коллективную и космическую вовлечённость личности». Такое понимание личности включало весьма различные смыслы. В 1903 году, незадолго до своей смерти, Ш. Ренувье¹¹ опубликовал книгу «Персонализм», которая вызвала большой интерес. Однако личность сводилась в ней к её сугубо внутреннему состоянию, тогда как её коллективистское измерение отвергалась. Между тем личность, если следовать Мунье, имеет двойственное политическое измерение и, в особенности, измерение историческое, поскольку она обладает самой глубинной духовной жизнью. Личность и Духовность анти-идеологичны. Мунье прекрасно показал это, а я развил в моей книге «Персонализм как анти-идеология»¹². Подлинный персонализм основательно, убедительно изобличает антифашизм и антикоммунизм. Отсюда следует явное отвержение исторических нелепостей, какие порой приписывают и тому, и другому. Центром здесь является человек, вовлечённый в трансцендентное. Это то, что обязывает нас идти до конца. Жить жизнью духовной значит жить таинством, схватывать его. Самое глубокое таинство — это «духовная любовь», не знающая ни мужчин, ни женщин, увязших в идеологии; оно есть таинство личностей, объединённых Божеским милосердием. «Любить?» Это значит бросить всю свою жизнь

¹⁰ Лаланд Андре (1867–1963) — французский философ-эволюционист, разработал концепцию критического витализма, обоснованием которой послужили данные биологии и психологии. (Прим. перев.)

¹¹ Ренувье Шарль (1815–1903) — французский философ, представитель неокритицизма. (Прим. перев.)

¹² См.: [5]; русское изд-е: [1, с. 166–289]. (Прим. перев.)

в руки Другого, отдать ему всё вплоть до своей души и дней своих, которые не являются больше днями мира без того преобразования, которое привносит в них Другой. В этой перспективе личность есть развитие и углубление человеческого бытия в его целостности, поскольку она всегда по ту сторону самой себя и развивает себя бесконечно, развивая жизнь других. Личность живёт «внутри, постоянно нуждаясь в том, чтобы находиться вовне». Таким образом, эта вторая часть жизни, какую я начинаю, и есть тот самый смысл и долг, которые я приобретаю. Мы достигли исходных пунктов Мунье. Теперь мы увидим их не в 1950 году, а в его изначальном поиске самого себя. Но оставим в стороне другие вопросы, касающиеся полного развития взглядов Мунье вплоть до 1950 года. В этой второй части мы хотим лишь продолжить выявление блистательного смысла, каким отмечены первые годы журнала *Esprit*.

В 1930–1932 годы, начальную пору существования журнала *Esprit*, личность открыта и снизу, и сверху; таково, если так можно сказать, существо жизни, не совершающей двойственного движения, ухватывающей сверхсознательные данные до их осознания, что преодолевается на пути к сверхсознанию. Сначала — открывание снизу. Существуют космические условия персональности. Надо укореняться в реальном, пребывать в поэтическом общении с миром, познавать, любить других и в то же время уважать их. Личность не только духовна, она и телесна, укоренена в живом мире. Моё тело — это моё присутствие в мире, так что человеческая личность существует лишь в воплощении. Она конституируется исключительно своего рода подпиткой от непрерывного общения с миром. Ощущение, пусть порой и лишённое доверия, является между тем самым фактом участия в любви. Мунье в своём журнале часто анализировал *чувствование*: он представлял его в его двойственной форме — ощущения и чувства. Первое мы открываем в универсуме, второе — в других, и они оживают в нас. Однако личность, будучи укоренённой в космосе, в то же время акосмична: если мир понимает её, то она тоже понимает мир (здесь слово «понимает» берётся в двойственном смысле, как это делает Паскаль¹³). Мы — скорее устремление, чем организованность, или природа в её совершенстве. В человеке живёт трансцендирующее величие мира. Оно есть усилие преодоления, бесконечный поиск выхода, что делает его желающим бесконечного. *Чувство* беспрестанно стремится свидетельствовать о том, что я есть нечто большее, чем я-сам. Личность, таким образом, предстаёт в качестве индивидуальной субстанции разумной природы, призванной завершить творение. Своеобразие, разумность, призвание — таковы три главных момента, включённые в понятие личности и тесно связанные с фундаментальным понятием творчества. На память приходит великолепная формулировка Гегеля: «Самым глубинным человеческим желанием является желание желать другого». Однако Мунье, создавая *Esprit*, хотел ещё глубже воздействовать на историю, проецируя новое *Возрождение*. Его «Трактат о характере» подхватил идеи журнала: автор захотел поведать всему человечеству тайну обретения свободного характера. «Мы не касаемся напрямую ни действия, ни освобождения, как того хотят интеллектуалы; ни телесных движений, как об этом твердят позитивисты; мы говорим о решимости, в которой выражается творческий акт свободы» [15, р. 416]. Решимость — это, стало быть, личность в действии.

¹³ Паскаль Блёз (1623–1662) — французский религиозный философ, учёный, писатель; в своей гносеологии разделяет сферы разума и веры, ставя «мудрость сердца» выше «мудрости разума». (Прим. перев.)

Так Мунье выделил и представил то, что принесут с собой первые подборки *Esprit* с октября 1932 года до лета 1933 года. Он настойчиво подчёркивал тот факт, что «развитие личности обуславливает общество в целом, и это должно стать нашим основоположением». Каждому необходимо предоставить личностную жизнь: жизнь внутреннюю, жизнь выбора, жизнь художественную, поэтическое общение с миром, в чём ему отказывает нищета, а обуржуазивание сводит всё это на нет у большинства людей. Такая жизнь должна быть абсолютно свободной и в этом смысле содействующей максимальному развитию личности. Что касается частной жизни, она должна выбраться из буржуазной скaredности. За пределами очага личностной жизни и жизни частной человек должен включиться в общее дело и начать новую жизнь. Профессиональное сообщество нацелено на труд, который для каждого должен стать средством обретения собственной жизни. У него только это достоинство, и никакого другого. Однако надо сократить продолжительность труда и высвободить для человека свободное время. Существует значение связи с личным правом, которая соединяет творца с его творением при том условии, что возможность этого не отмечена скупостью. И именно на государство следует направить пристальное внимание. Оно не обладает тоталитарной властью по отношению ни к отдельным людям, ни к группам людей. Оно должно вызывать, согласовывать и поддерживать либо индивидуальные, либо коллективные инициативы ради общего блага. Запад отныне должен преодолеть собственные промахи и подыскивать своим ресурсам применение, которое обременённый мир ждёт от него. «Нам необходимо показать, — заключает Мунье, — что *Esprit* несёт с собой бесперывное возрождение».

Теперь стало понятнее, почему формирование личности является необходимым для преобразования общества: «Мы дважды революционеры, — заявляет Мунье, — но непременно от имени духа. Во-первых, поскольку человечество будет существовать и поскольку жизнь духа есть победа над нашей ленью (...). Во-вторых, именно в тридцатые годы, поскольку плесень современного мира так разрослась и она столь действенна, что с появлением её новых толчков необходимо произойдёт обрушение всей источенной червями массы» [14, р. 149]. Эта плесень носит имя «капитализм». Его называют обществом потребления, то есть обществом удовлетворения потребностей. Однако удовлетворение это прежде всего и только для привилегированных. В наших западных странах, таких, как США, около 25 из 100 жителей пребывают в нищете. Но пойдём дальше. Капитализм стал бы недопустимым, если бы сумел полностью достичь своей цели: он уничтожил бы Желание. Или, скорее, он поразвлёкся бы, сведя Желание к удовлетворению всех потребностей. Наибольшей ошибкой нашего общества стало бы сведение себя исключительно к жизни материальной. Что особенно важно здесь, так это то, что Мунье называл «потребностями в творчестве»; особенно молодые люди жаждут творческого общества, где каждый человек стал бы «неким творцом». Разумеется, человек может иметь и дурные желания, но нельзя, чтобы они стали самыми глубинными человеческими желаниями. Левинас прекрасно показал это: желаемое не переполняет человека, напротив, оно подрывает его силы, порождая всё новый и новый голод. Так что, может быть, следует отказаться от желания счастья, поскольку лишь оно одно жаждет обозначать состояние высшее и вместе с тем неокончательное. Человек — это время, он — существо историческое, а счастье несовместимо с историей. Одна лишь претензия на счастье стала бы приговором для истории, отказом от той человеческой обеспокоенности, которая является источником

движения вперёд, источником прогресса. «Не существует счастливой любви», — говорил Л. Арагон. Именно об этом твердит слово «страсть». Страстное желание истины — это одновременно и желание, каким обуреваемо человечество, и его агония. Любить бытие значит оказаться перед своего рода смертью, перед страстью до такой степени болезненной, что выше неё только любовь. Любить — значит обещать, обещать самому себе никогда не применять насилие по отношению к тому, кого любят...

Человек прогрессирует, поскольку он неприспособлен, и стремится покончить со своей неприспособленностью; однако если он достигнет этого, он больше не сможет идти вперёд. Кто рассуждает о счастье, писал Мунье, тот не размышляет ни об изобретательстве, ни о сильном жизненном напряжении, а только вспоминает о спокойной и счастливой эмоциональной уравновешенности. Если человек является преимущественно существом историческим, он перестанет быть таковым, если перестанет жить. Свободным можно только становиться, то есть стремиться полностью реализовывать свою творческую сущность...

Последнее, на что мы нацеливаемся, это не счастье, не комфорт, не процветание Града, а духовное развитие человека. Духовность управляет и политикой, и экономикой. Дух должен сохранять инициативу и верховенство своих целей, которые идут к человеку свыше, а не от благосостояния. В устоявшемся мире, инертном и безразличном, отныне единственно подлинной политикой являются святость и интеллект, чтобы сопутствовать ей, хранить её чистоту и ясность. Совсем неспешный темп жизни Мунье обрёл благодаря свободе и чистоте. Он всегда обладал способностью быть там, где мог заставить услышать свои помыслы и свой проект. Отныне и вплоть до самой смерти он будет беспрестанно развивать свои монологи таким образом, чтобы они всем внушали ощущение диалога.

Заключение

Постоянно и последовательно проводя различие между индивидом и личностью, Мунье настаивал на том, что между ними не может быть противоречия, — иначе существовал бы риск обособить личность от её конкретных связей. «Для нас философия вовлечения неотделима от философии Абсолюта», — говорил он. Отношение к Абсолюту в ходе любого вовлечения оберегает личность, поддерживая её в состоянии универсального диалога. В противовес коммунизму и ницшеанству, Мунье сумел открыть и рефлексии в философском смысле, и подлинную веру в религиозном плане. В марксизме его более всего привлекла мощнейшая реакция против упадка мышления; начиная с *«Персоналистской и общественной революции»* он неизменно утверждал: «Мы по-своему понимаем, что значит быть марксистом; это значит отыскать универсальность воплощения и включить в него наше присутствие. Ведь воплощение имеет собственный смысл исключительно в его соотнесенности с трансценденцией». Так что где-то в районе своего тридцатилетия он обозначил задачу каждого воспитателя — формировать человека, опираясь на три первейшие реальности, постоянно напоминающие о себе:

1) *инстинкт*: мы должны прежде всего считаться с этим фундаментальным приобретением;

2) *разум*: необходимо подлинным образом исследовать его, чтобы наделить им каждого мыслящего;

3) *любовь*: она предпочитает обращаться к Милости, то есть к согласию, дару, великодушию. Уже в трудах Руссо находили различие, то есть справедливое и характерное противостояние: *собственно любви*, ведущей себя к разрушению, если она претендовала быть выше всего; и любви к себе, которая есть устремление к «другому». Я уже не раз говорил о том, что Мунье непременно и всецело посвящал себя тому, что открывал в предшествующих своих статьях. Для него подлинный социалист — это тот, кто верит во временное благо человечества, шествующего путём бесконечного прогресса. «Мы узнали, что экономическое и социальное развитие Европы требовало глубинной революции экономических структур, идущих по линии социализма, но в то же время мы хотим, чтобы социализм спас человека».

С этой целью Мунье укореняет персонализм в христианстве. Он постоянно утверждает и утверждает, что, согласно определённым условиям или принятым воззрениям, можно желать быть и оставаться персоналистом, не являясь христианином. Здесь Мунье был весьма категоричен, настаивая, что это происходит «при условии, если нехристианский персонализм присоединяется к личностным ценностям справедливости и истины, оставляя открытым вопрос об отношении к Абсолюту». Следует, однако, признать, что личность может стать существом духовным лишь путём обеспечения независимости своего бытия. Всё, что можно и должно требовать от подлинного персоналиста, достаточно выразить просто и ясно: надо открыть совершенное *созидательство*, о котором каждый в состоянии мыслить и которое он может реализовать так, как это понимает. По этому поводу Мунье писал о том, что он сам уже сделал и чего он желал всем и каждому: постоянно стремиться к творчеству, «начиная с 18 лет и до самой смерти». В 1950 году, в момент своей неожиданной смерти, он пойдёт как бы дальше своего журнала, чтобы взлететь выше его пределов. Он говорил и повторял, а часто и писал так, как если бы пребывал в состоянии подготовки к чему-то значительному. Главное — это движение постоянного преодоления, длящегося трансцендирования. Исходя из этого основополагающего желания, характерного для подлинной личности, жаждущей развития, Мунье открывает и всё более уточняет свои главные политические идеи: общностные институты, экономика на службе человека, персоналистский интернационализм. Вот и всё, что следует делать. Разумеется, эти ориентации основаны на диалектике *права* и *любви*. В самом начале своей деятельности Мунье при поддержке друзей сформулировал *Декларацию прав личностей и сообщества*, суммирующую принципы, образующие всякое персоналистское общество [17, р. 99–104]. Здесь не обошлось без затруднений, и в итоге получилась такая формулировка: *трагический оптимизм*, что означает обдумывание и постоянную устремлённость к цели, несмотря на возникающие трудности. Фактически подлинная личность — это постоянный диалог духовного и политического. Возрастать в своём бытии — значит возрастать в своих отношениях. Однако здесь есть ещё одно высшее «сверх того». Это — Бог, и в определённом смысле этого Бога невозможно постичь и полностью проникнуться им, пребывая в своего рода относительно неведении; тем не менее он присутствует в каждой личности. Именно в это время мы ощущаем себя совершенно опустошёнными перед таинством своей судьбы. Не проникаясь им полностью, мы всё-таки так или иначе соотносим себя с Богом. Именно об этом зачастую твердили святые, особенно в пору Средневековья. Мунье представил своё понимание этого всего одной фразой, которую следует повторять и повторять. Это — самая глубокая мысль, которую можно принимать и принимать и которая всегда направляет

к «сверх-того»: «Существует негативная теология Личности, как существует и негативная теология Бога, — написал Мунье, — и она, несомненно, есть сама истина» [17, р. 790].

Поль Рикёр (1913–2005)

Поль Рикёр, французский философ, один из ведущих представителей феноменологической герменевтики, познакомился с идеями Эмманюэля Мунье ещё будучи студентом. Прочитав его работы «Персоналистская и общностная революция» (1935) и «Персонализм» (1950), он сразу же увидел в персонализме своего рода педагогику общественной жизни. Рикёра привлекло умение автора «связывать философскую рефлексию с животрепещущими проблемами современности; он приветствовал стремление Мунье и его соратников «предугадать основные черты новой цивилизации» (см.: [4, с. 155]), разглядел в основоположнике французского персонализма наставника целого поколения людей.

Рикёр создаёт собственную концепцию человека, опираясь на новейшие исследования в области философии и наук о человеке и поставив своей задачей теоретическую разработку понятия личности в качестве «наилучшей кандидатуры для обоснования политической, правовой и экономической борьбы» [20, р. 223]. Понятие «личность» он считал плодотворнейшим среди всех персоналистских концептов, признавая его более перспективным в философских исследованиях проблем человека, нежели понятия «сознание», «субъект», человеческое «я». На Коллоквиуме 1982 года Рикёр выступил, как сам говорил, «с нарочито провокационным и рискованным» сообщением: Персонализм сходит со сцены. Личность возрождается». Речь в нём шла об определённой исчерпанности персонализма 1930–1950-х годов и о необходимости возрождения в новых условиях его центральной идеи — идеи личности. Впоследствии, развивая эту мысль, Рикёр имел в виду не только общественно-политическую ситуацию в мире, но и философские разработки в сфере языка, деятельности, повествования, этики, культуры.

Рикёр П. Философ Мунье

Я буду говорить о Мунье-философе и о философском будущем персонализма. Я хотел бы исходить из того, что от него осталось, порой с чувством брезгливости; буду говорить о молодёжи — о более молодых, нежели я, словом — о персонализме.

Кратко я выразил бы свою позицию так:

Персонализм, умри.

Личность, возродись.

Когда я говорю: «Персонализм, умри»¹⁴, вы можете писать это в изыскательном наклонении как о культурном факте, но и в сослагательном: «Пусть умрёт... даже если, может быть, было бы лучше ...чтобы...».

¹⁴ «Описанные позиции (...) могут не восприниматься как претворение в жизнь принятой идеологии и быть последовательно пересмотрены с учётом положения современного человека. В таком случае каждый персоналист может лишь желать этого, так что слово “персонализм” будет однажды забыто, поскольку у него не будет больше нужды привлекать внимание к тому, что должно будет стать банальным, даже если речь пойдёт о человеке» [16, р. 525].

I. Персонализм, умри?

Прежде всего я думаю о том, что имеет место досадный выбор «-изма», взятого наряду с другими «-измами», которые были бы либо более сильными, либо, как и персонализм, концептуальными фантомами.

Я аргументирую это следующим образом: прежде всего, какие другие «-измы» существовали для Мунье? Для него три «-изма» делили между собой провинцию духа: экзистенциализм, марксизм, персонализм. Однако, получается — таков мой первый аргумент, — что два другие, в отличие от персонализма, были менее аргументированы концептуально, поскольку они были вынуждены отвечать на происходящее далеко не в той же мере, как это было в случае с «Бытием и Ничто», с «Критикой диалектического разума», «Феноменологией восприятия» «Приключениями диалектики», с публикациями на французском языке трудов Грамши или Альтюссера; среди них было два очень сильных «-изма», и я сказал бы, что персонализм не был здесь концептуально конкурентноспособен — я ещё вернусь к этому во второй части. (Все мои аргументы схематичны, поскольку уж слишком мало времени мне отведено. Но я уверен в них.)

С другой стороны, созвездие «-измов», в которое персонализм вписан и где он уверенно расположился, в 60-е годы было снесено другой, ещё более мощной, волной культуры. Здесь я имею в виду волну структурализмов. Сразу же возникает мысль о троице: персонализм — экзистенциализм — марксизм, которую часто высказывал Мунье в качестве устойчивой характеристики эпохи. Сегодня она приобретает вид своего рода иллюзии. Кроме того, что это распределение было однородным, оно оставалось типично французским: персонализм, экзистенциализм и марксизм всегда складывались в вызывающий тревогу шестиугольник. Три брата-врага оказывались смещёнными с места этим не менее чем шестиугольным феноменом, что заставило всех троих (по меньшей мере, марксизм молодого Маркса, экзистенциализм первого периода и персонализм Мунье, к сожалению, ушедшего из жизни в 1950 году!) предстать в качестве вариантов одного и того же гуманизма (слово, которым все пренебрегали). То, что нёс с собой структурализм, — это способ мыслить в соответствии с системой, а не с историей, учреждение совокупности артикулированных различий и особенно оперативного мышления, претендующего на то, чтобы не устранять какого бы то ни было субъекта ради того, чтобы сообщать смысл чему бы то ни было. Для персонализма, затратившего столько усилий на то, чтобы, в отличие экзистенциализма, приблизиться к молодому Марксу времён написания *«Экономическо-философских рукописей 1844 года»* и *«Немецкой идеологии»*¹⁵, — короче говоря, к периоду осмысления им отчуждения и живого труда, что было странной авантюрой. Персонализм, стало быть, опозорился так же, как и оба его друга-врага.

А вслед за ней бушевала новая волна, по существу своему ницшеанская. Персонализм считался вырванным с корнем из своей почвы — по существу христианской (не будем забывать об огромном значении тринитарного мышления в образовании западного понятия личности); более того, эта волна атаковала мощное и никогда не прояснённое, полученное от Маритена и Шелера, убеждение в том, что по ту сторону любых исторических случайностей,

¹⁵ «Немецкая идеология» — набор рукописей, написанных К. Марксом и Ф. Энгельсом; издан в 1846 г. (Прим. перев.)

удивления по поводу происходящих событий и изобретательного ответа на всяческие ситуации, личность не перестаёт согласовываться с незаблемой сферой ценностей. Я читаю в *«Манифесте персонализма»*: «Личность — это духовное существо, образованное в своём бытии субстанциальным и независимым образом; она содержит в себе эту субстанцию благодаря присоединению к иерархии ценностей, которые принимает свободно, делает своими и живёт ими, пребывая в состоянии ответственного вовлечения и непрекращающегося обращения; таким образом, личность осуществляет свою деятельность свободно и совершенствует её, опираясь на собственное призвание и благодаря творческим актам»¹⁶.

Отсюда видно, каким образом сосуществуют онтология субстанции, соотнесённость с иерархическим порядком ценностей и высокий смысл своеобразия и творчества. Однако вертикальная трансценденция, которую Мунье стремился постоянно, но весьма осмотрительно поддерживать, чтобы не принуждать персоналистов делать выбор между христианским и агностическим прочтениями, была в обеих этих версиях атакована ницшеанским нравоучением, которое, я хотел бы подчеркнуть это, не было вызвано ницшеанским нигилизмом — оно было провозглашением, которое оставалось у нас в ходу, начиная с того времени, как высшие ценности были девальвированы.

Я завершил бы этот обзор причин гибели персонализма как «-изма» вполне обдуманном утверждением Мунье об уязвимости данного термина по причине его внутренних и внешних противоречий. Во всяком случае, Мунье — и это следует из последней главы его труда *«Что такое персонализм?»* — стремился устранить двусмысленности персонализма, которые были таковыми лишь в рассуждениях о персонализме¹⁷. В самом деле, персонализм никогда не прекращал бороться с собственными демонами — настолько прошлое термина «персонализм» приклеилось к нему (спиритуализм, идеализм, морализм и т. п.). Может быть, Мунье был здесь введён в заблуждение иллюзией, присущей всему его поколению, иллюзией, согласно которой вполне возможно абсолютное обновление культурного поля, каким бы ни было прошлое употребляемых здесь терминов. В этом Мунье был уверен к концу Второй мировой войны.

Так, в 1946 году он писал в книге *«Что такое персонализм?»*: «Мы понимаем персонализм как свободное странствование скорее в будущее, нежели в прошлое. Он, несомненно, ставит нас на ясный путь ценностей и присутствия в истории. Но мы не перестаём очищать ценности от всякого рода ложных представлений и предрассудков социологизма, которые под предлогом сохранности нейтрализуют их на пути в будущее» [16, р. 229].

II. Снова о личности

Я не настаиваю на политической, экономической и социальной плодотворности понятия «личность», о чём будут говорить мои товарищи. Я просто ограничусь намёком, который для меня чрезвычайно важен в борьбе за человека: намёком на различие между

¹⁶ См.: [13, р. 63]. В русском переводе В.М. Володина см.: [3, с. 301]. (Прим. перев.)

¹⁷ «Двусмысленности, которые мы до сих пор стремились предотвратить, не так уж значительны, несмотря на наши слова: двусмысленности персонализма, а не двусмысленности по поводу персонализма. Во всяком случае, они рождаются, исходя из искажения, непосредственно связанного с его вдохновенностью» [16, р. 238].

правами человека, между индивидом *перед лицом* государства и правами, которые суть *призывы* к государству, чтобы оно существовало... и, следовательно, укрепляло все ветви власти.

Я заканчиваю это отступление, возвращаясь к вопросам, которые могут быть адресованы Мишелю Фуко: «Каким образом мы можем защитить права заключённых?»; а также сегодня: «Каким образом мы можем отказаться от автоматически действующей экстрадиции?», «Как мы можем бороться за реформу тюрем, если у нас не существует *понятия о рекомендации?*»

И вот мой философский аргумент: я претендую на то, что слово ЛИЧНОСТЬ, после некоторых недоразумений, о коих я только что говорил, остаётся наилучшим кандидатом для поддержки битв политических, юридических, экономических; по правде говоря, наилучшим из всех других, не ответивших на вызов и вынужденных испытывать потрясение: я имею в виду такие слова, как «сознание», «субъект», «я», «субъективность»:

— *сознание*: у нас нет больше иллюзии о его ясности, мы уж слишком начитались Фрейда;

— *субъект*: у нас нет больше иллюзии о его окончательной прояснённости. Крушение трансцендентальной феноменологии стало окончательным после того, как мы прочитали работы Франкфуртской школы и «Критику идеологий»;

— «я»: мы хорошо знаем, что невозможно полностью выбраться из теоретического солипсизма, если не усвоили, благодаря Левинасу, что надо исходить именно из Другого, от лица второй личности, а не из «я».

Тогда встаёт *проблема адекватности языка*, которая не стояла перед Мунье. Вероятно, мы сами многое претерпели из-за такой вот лингвистической озабоченности: *Каков статус дискурса, благодаря которому мы разговариваем?*

Невозможно не поставить перед собой эту проблему. Я полагаю, что дискурс, касающийся личности, едва ли имеет в языке статус непригодного, поскольку он принадлежит тому, что Эрик Вейль в своей «Логике философии» называет уровнем «позиции» [22, р. 105]. Это слово всегда присутствует и у Мунье. Я, как и Эрик Вейль, употребляю его так: *убеждение, то есть на уровне окончательного видения мира в поисках нужных категорий*.

Следовательно, я утверждаю, что слово Личность вполне употребимо на этом уровне, однако, если быть точнее, следует узнать, *каким образом позиция располагается по отношению к работе мышления, которое является концептуальным — я не хочу сказать, сугубо рационалистическим*. В данном случае понятие личности может быть использовано в той или иной философской системе, и в этом нет ничего удивительного, однако вне персонализма это слово позволяет предположить, что существует одно-единственное философское мышление, адекватное этой позиции.

Всё вращается вокруг трудности перехода от позиции к категории, что, собственно, и является задачей философии...

III. «Проблемы персонализма»

Человек, который показался мне в 1938–1939 годах наиболее глубоким там, где речь шла о проблеме, какую мы будем сейчас обсуждать, — это Поль Луи Ландсберг, поскольку

он исходил из Шелера. Я перечитал его «Проблемы персонализма» [7], и заметки, которые я представляю сейчас, отталкиваются именно от этого труда.

Я определил бы позицию Мунье, принимая в качестве основной отсылки противостояние двух слов: «кризис» и «вовлечение».

1. Кризис

Когда Мунье пишет — в противовес тому, что вчера сказал нам Рене Ремон — «персонализм родился из кризиса 1929 года на Уолл-Стрит [...]», то это совсем не тот кризис, что меня здесь интересует. Я считаю, что личность является источником позиции, когда она делает из понятия «кризис» свой собственный критерий, место своего рождения: тогда я понимаю «кризис» в том смысле, что я не знаю более, каково моё место во Вселенной. Такой была проблема Макса Шелера в его «Положении человека в космосе» [21]: я — некто, *не имеющий места*, скиталец; я ищу место. Я уже не знаю, какая устойчивая иерархия ценностей может мною руководить, я больше чётко не различаю, кто мои друзья, а кто мои враги. Первый понятийный подступ — это выяснение того, что имеется в виду, когда мы решились начать мыслить, исходя из самого факта, что столкнулись с кризисом.

Я воспринимаю понятие кризиса в гораздо более широком смысле, нежели в экономическом или культурном аспекте. Я готов назвать здесь *три признака*: место, *иерархия*, неразличимость друзей и врагов, а также то, что *в некотором смысле является невыносимым*.

В момент кризиса я испытываю предельную толерантность и не принимаю слов Лейбница: «Я почти ничего не презираю», — коль скоро это «*почти*» становится камнем преткновения, когда речь заходит о том, чего я не могу поддерживать.

В этом смысле я считаю, что слово «кризис» гораздо более специфично, чем слово «ситуация», принадлежащее обыденному языку, поскольку оно углубляет различение ценностных структур, вершащих историю. Вот почему «кризису» я противопоставляю «вовлечение».

2. Вовлечение

«Вовлечение», противопоставленное «кризису», не является существенным свойством мышления, это далеко не нечто, вроде Спинозистского атрибута субстанции, о чём я упоминал выше. Говоря о вовлечении, я употребляю слово *критерий*: это единственное, что мне дано в такой вот позиции — различение порядка ценностей, *иерархия предпочтений*, коль скоро я идентифицирую себя с превосходящей меня причиной. Ландсберг пишет в своих «Размышлениях о личностном вовлечении»:

«Каждый из нас, будучи заброшенным в полный противоречий мир, часто испытывает потребность выйти из игры и расположиться где-то на расстоянии от событий, если не над ними, и превратиться в свободного наблюдателя. Мотивом подобного бегства от мира является не заурядный эгоизм, а, скорее, желание суметь сделать жизнь наполненной смыслом в частном, индивидуальном плане, ориентируясь на „я-сам“. По меньшей мере, в этом случае мы верим в возможность властвовать над судьбой и реализовывать наши подлинные намерения. Но мы сразу же замечаем, что такого рода позиция не соответствует нашей подлинной *ситуации*. Совсем напротив, наше человеческое существование настолько вовлечено в коллективную жизнь, что наша личная жизнь может обрести свой смысл, лишь участвуя в истории коллективов, которым мы принадлежим. В той мере, в какой мы живём,

полностью осознавая эту сопричастность, мы реализуем своё историческое присутствие, *историчность*, свойственную гуманизации человека. Ведь мы иначе, чем животные, присутствуем во времени, или, скорее, мы единственные, кто располагается во времени таким образом, что превосходит сам факт быть предоставленным смене мгновений» [7, р. 28].

3. Убеждённость

Именно это отношение, циркулирующее между историчностью кризиса и иерархизирующей активностью вовлечения, составляет *убеждённость*, если брать это слово в том смысле, какой сообщает ему Гегель в «Феноменологии духа», в знаменитой главе, посвящённой самосознанию, не сомневающемуся в самом себе.

В этом критерии вовлечения кое-что существенным образом противопоставлено аксиологическому нейтралитету Макса Вебера, как и любому бегству перед лицом выбора. Существует нечто такое, что должно всегда направлять нас благодаря отношению между историчностью кризиса и иерархизирующей активностью вовлечения, тогда, когда я уже не вижу опустошённости пейзажа, что описывал Ясперс в своей «Психологии мировоззрений», где все представления о мире заманчивы и в то же время отвратительны...

Предпочитая нечто, я признаю что-то такое, что могущественнее меня, что помогает мне и делает из меня несостоятельного должника.

Убеждённость есть ответ на кризис: благодаря вовлечению мне предназначено моё место; иерархизация предпочтений меня обязывает, *невыносимое преобразует меня* из незаинтересованного наблюдателя или дезертира в человека убеждённого, который, созидая, что-то открывает и, открывая нечто, созидает.

Следствия

Я вывел бы всего три следствия, которые не стану развивать. Пара «кризис»/«вовлечение» включает в себя три вещи.

1. Для меня это прежде всего — *поведение по отношению ко времени*. В противоположность другим категориям, которые получают реализацию в одно мгновение — «мгновение вторжения», здесь важна длительность, поскольку то, что характеризует вовлечение, это соответствие длительности причине. Вовлечение является свойством не мгновения, а длительности. Идентификация субъекта — это транссубъективная сила. Ландсберг отмечает это в приведённой выше цитате. В момент отступления, ожидания, тишины, когда я подвожу итог моему вовлечению, *то именно моя верность собирает меня* и сообщает мне идентичность, какой я не нахожу ни в «сознании», ни в «я».

2. Говоря об идентичности, я имею в виду и *различие*, и здесь я скрещиваю вместе все философии различия. (Невозможно иметь *того же самого без другого*, и другого без того же самого.) Я хочу отыскать характерные различия в этой позиции основополагающего отношения между кризисом и вовлечением. Я не могу поступить иначе, коль скоро разграничение между моими друзьями и врагами проистекает из моего вовлечения. *Конфликт* не может быть творцом всего, он — *обратная сторона ясности*

любого убеждения. Структура любого социального отношения соткана из конфликтов, так что в отношении политическом я не должен мечтать об обществе, в котором конфликты очевидны и могут стать предметом переговоров.

Следовательно, существуют признание и любовь, необходимые для различий, и здесь мне приходят на ум слова Макса Шелера: «То, что я люблю в другом, так это то, что наиболее значимо в его убеждённости».

3. Пара «кризис»/«вовлечение» вызывает третье следствие: включение длительности в интериорность. Признание различий и любовь к ним отсылают к горизонту *глобального исторического видения*. Что касается меня, я не считаю, что можно было бы видеть в воплощении простое отношение к порядку ценностей без того, чтобы я мог помыслить этот порядок как задачу для всех людей. В данном случае Кант, писавший о единстве Истории, и Гегель в «Философии права» говорили об обрётённой силе: человек не является некоей расой, поскольку он есть История, или, я сказал бы, не что иное, как История. Задача, какую я здесь вижу, рождается, только исходя из убеждённости; она не появляется передо мной как историческое зрелище.

Следовательно, я говорю о соединении наибольших различий

Я не могу этого доказать, не могу удостоверить. Я могу лишь свидетельствовать об этом, если кризис Истории становится *моим невыносимым*, а мир — спокойствие порядка — *моей убеждённостью*.

Уйди, персонализм: то, что я только что сказал, это не философия, а обозначение «позиции», место которой следует определить среди других позиций, которые не столь сильно сосредоточены вокруг полюса «невыносимое»/«убеждённость». Множество других проблем, касающихся языка, этики и политики, пребывает в неопределённом состоянии...

Как сделать так, чтобы ослепление кризисом не стало осмыслением кризиса, то есть неким нигилизмом «последнего из людей». Именно в такой скромной перспективе я и пишу: уйди, персонализм; личность, возродись. Мы суть движение, ставшее таковым благодаря «позиции», которая знает, что она не преодолевает уровня *убеждённости*, что она сама гарантирована следующим: если я не сделаю целью счастье, то мне свыше будет уготован рынок. Единственное, что сегодня здесь важно, так это справедливое распознавание невыносимого и моего долга по отношению к причинам более важным, нежели «я-сам», которые меня принуждают.

Позвольте мне завершить сказанное такими вот словами Мунье, которые характеризуют и его творчество, и движение Esprit: «Персонализм как всякое учение, вошедшее в историю, ни в коем случае не является интеллектуальной схемой, которая полностью принадлежит истории. Он соединяет верность определённому человеческому абсолюту с прогрессирующим историческим опытом. Мы постигаем его лучше, когда помечаем этапы этого ещё юношеского опыта, нежели когда упрощаем его и представляем в виде преждевременно застывшего образа. Тем более не следует представлять его лишённым развития на следующих этапах, как если бы доминирование одного из них должно было исключать перспективность следующего за ним. Скорее, мы присутствуем на первых этапах циклического хода, где исследования, идущие вплоть до своего исчерпания,

могут быть отброшены только лишь для того, чтобы получить признание и пойти далее, обогатившись этими забвением и открытиями, коим они сами расчистили путь».

Поль Фресс (1911–1996)

Поль Фресс — французский психолог, специалист по экспериментальной психологии, внёсший существенный вклад в развитие научной психологии во Франции. Он осуществил важнейшие экспериментальные исследования, призванные прояснить сущность восприятия времени. В 1961–1969 гг. — директор Института психологии университета Сорбонны.

П. Фресс был знаком с Э. Мунье, разделял идеи личностной философии французского персонализма. В 1938–1957 гг. — член директората журнала *Esprit*. В 1950 г. под руководством Поля Фресса было создано «Сообщество друзей Мунье», которое он возглавлял до 1984 г.

Фресс П.

«Надежда отчаявшихся»¹⁸

Позвольте мне в завершение настоящего colloquium воспользоваться этим названием работы Мунье, которое представляется мне заветной идеей всего его творчества. Персонализм не является ни доктриной, ни системой; персонализм — это основополагающая утопия, которой надлежит определять наше мышление и руководить нашим движением. Будучи сущностным требованием, персонализм является постоянным указателем для нашего поведения и наших суждений. К тому, что Мунье сказал о персонализме, нечего добавить, как и никогда нельзя забывать, что нескончаемая революция, по крайней мере, революция в наших сердцах, когда институциям оказывают сопротивление, является революцией личностной и общностной. Нет личности без сообщества, в котором она формируется; нет личности без сообщества, которому она себя отдаёт. Хорошо, что сегодня много говорят о правах человека, однако при этом забывают, что все эти права могут уважаться, только если другой взвалит на себя ношу быть их должником. Отсюда следует хрупкое равновесие, поскольку личности всегда угрожает индивидуализм, а обществу — тоталитаризм. Разумеется, это крайние случаи, однако в них можно обнаружить зачатки наших индивидуальных и коллективных историй.

Персонализм существует для того, чтобы в таком случае обозначить вершину. Такое видение объясняет мне всю историю Эммануэля Мунье. Его обвиняют в том, что он проявил внимание к фашизму, однако не стоит забывать, при каких обстоятельствах осуществлялись поначалу бесчинства фашизма, а затем его преступления. Мунье упрекали в филокоммунизме. Однако он никогда не забывал ни того, в какой ситуации коммунистическая система начала свои атаки, ни тех, и это важно, кто постоянно возлагал на неё надежды; знаменитые, наполненные песнопением, завтрашние дни. Безответственная индивидуалистическая демократия отнюдь не казалась Мунье выходом. Между тем некоторое время (меньше года) он верил в Третью Силу, но очень скоро разочаровался в ней, чтобы оказаться вовлечённым в интеллектуальную баталию, поскольку именно таковой было

¹⁸ См.: [8, р. 245–248]. (Прим. перев.)

поле его деятельности. Он не проповедовал одно и то же в 1933, 1936, 1938, 1947, 1949 годах; он будет говорить об этапах. Однако ситуация из эпохи в эпоху никогда не была одной и той же, борьба никогда не была одинаковой, даже если она воодушевлялась одним и тем же. То, что я говорю, относится к истории Франции, но такая же история разворачивалась и в других странах, конечно, в разных условиях, и вовлечение в них наших друзей сталкивалось со специфически различными реальностями.

То, что естественно в пространстве, является таковым и во времени. Персоналистские требования всегда существуют и останутся навсегда. Наши слова не нуждаются в том, чтобы их афишировали как персоналистские, поскольку они таковыми и являются.

Сегодня мы должны заявлять о себе уверенно и громко. Мы уже давно разоблачили тоталитаризм, с которым кто-то сталкивается лишь теперь. Мунье постоянно говорил об этом, однако раньше тоталитаризм не был единственной проблемой. Мы вступили в кризис цивилизации, где, с одной стороны, информатика с её последствиями и атомная энергия, с другой, меняют все условия нашей жизни. Этот кризис не похож на предыдущий, когда фабрики опустошали деревни, чтобы создать условия для существования капитализма и пролетариата. Капитализм уже здесь, но не в виде требовательного патрона, а в облике финансистов, которые манипулируют деньгами и судьбами миллиардов людей. Мы, говорил Мунье, не страшимся технического прогресса, однако его цели должны быть прозрачны, а общества и нации должны иметь возможность их контролировать, заботясь о том, чтобы прогресс был творческой силой, не полагающейся на разрушения и убийства.

В условиях общего кризиса возникают две проблемы: ядерное оружие и слабое развитие трёх четвертей планеты. В итоге вспыхивает безумие ядерной эскалации. Мы «обязаны» этим советским и американским бахвальствам, а также немецким пацифистам и американским епископам. Кто остановит этот призыв к самоубийству, если не жертвы, обречённые на бомбардировки?

Многое связано с существующей в мире проблемой голода. Терпимо ли такое? Сейчас каждый борется за свой жизненный уровень. А жизненный уровень других? Эта проблема такого масштаба, что речь идёт не просто-напросто об индивидуальной благотворительности, а об осознании нищенского состояния целых народов, угнетаемых другими народами, страдающими от переизбытка и озабоченными поиском средств от прибавления в весе. Эти нищенствующие народы сами себя спасут, однако необходимо, чтобы международные организации дали им импульс для коллективного изменения, не создавая в каждой недостаточно развитой стране класса обеспеченного, ориентированного на Запад. Общественное мнение и во Франции, и в мире в целом может сделать многое, особенно с такими лидерами, как Ганди, Мартин Лютер Кинг или Валенса...

Мы все ответственны за людей, кем бы они ни были, и за сообщества, содействуют ли они прогрессу или порабощению...

Персонализм никогда не будет вполне удовлетворён. Его требования — это идеал, приближаются ли к нему или отдаляются от него; его не достичь никогда, поскольку он по существу своему не стабилен, он шествует через напряжённые отношения между личностями и сообществами. Такое уже существует в семьях, а также во всех группировках, нациях, словом — во всём мире.

Во всех случаях центральной проблемой остаётся осознание происходящего, этот источник вовлечения.

Позвольте закончить мне, цитируя Мунье. В завершение передовой статьи в первом номере *Esprit* (октябрь 1932 года) он написал: «Нам следует полностью отдавать себя, мы выбрали дорогу, у которой нет конца». Восемнадцать лет спустя, в его последней передовице в феврале 1950 года, озаглавленной «Верность», он пишет: «Несправедливость! Тысячи честных людей не замечают её, оставаясь абсолютно равнодушными... Мы будем врываться и в их ночи, и в собственные ночи, полные храпа. Христианин никогда не оставляет бедного, социалист не отворачивается от пролетария, когда те предают сами себя. А специализированные конторы не захотят считаться с нами и пойдут на клятвопреступление».

Жан-Мари Доменак (1922–1997)

Жан-Мари Доменак — французский философ, журналист. Участник движения Сопротивления. Редактор-издатель журнала *Esprit* в 1956–1976 гг. Подчёркивал непреходящее значение разработки проблемы личности для становления и эволюции человеческой цивилизации. Заявляя о своей верности идеям Э. Мунье, он трактовал деятельность как воплощение и утверждение конкретного смысла личностного существования, связывающего воедино теоретическое познание, эстетическое видение и любовь к другому, а сознание — как порыв личности к истине и справедливости. Задачу философии персонализма Доменак видел в том, чтобы объединить личностную устремлённость и коллективный опыт людей, обеспечить человечеству возможность для одновременного продвижения вперёд в познании и в достижении счастья, гармонично связав рост материальных потребностей с духовными запросами личности.

Доменак Ж.-М.

Персоналистский интернационал Влияние *Esprit* за пределами Франции¹⁹

В эпоху, когда властвует продуктивность, рентабельнее всего представлять историю путём нанизывания цитат: именно это чаще всего и практикуется сегодня. Однако такие отрывки, взятые порой из вторых рук, почти ничего не говорят нам о том, какой была жизнь такого движения мысли, каким был *Esprit*. Чтобы восстановить и понять это, было бы необходимо обратиться к архивам, мемуарам, переписке, свидетельствам... Я не претендую на это. Разумеется, я был одним из участников этого движения в 1946–1976 годах, однако того, что я знаю о создании и о довоенном его периоде, этого я не пережил.

Первое, что мне хотелось бы отметить и постоянно повторять, поскольку такое невозможно вообразить, так это то, что *Esprit* не был журналом, подобным любым другим, созданным в Париже несколькими объединившимися интеллектуалами. Его созданию предшествовали взаимные визиты, контакты, конференции, образование «групп»: журналу предшествовало движение. Так или иначе, речь шла об изменении цивилизации, а ради этого — о накоплении всего, что было ценным и свободным не для того, чтобы писать заумные бумаги и продавать их ежемесячные выпуски.

¹⁹ См.: [8, р. 165–176]. (Прим. перев.)

Нередко слышатся слова о персоналистском главенстве «Мы» над индивидуалистическим «Я», звучит забота о «педагогике», которой, как отмечал Жан Лакруа, был одержим Эмманюэль Мунье. Педагогика в её христианском варианте не могла рассматривать истину как частное достояние; она была целью общего шествия, где тот, кто избрал своей профессией мышление, сопровождал всех тех, кто работал, боролся или просто-напросто жил. Говорить об истории *Esprit*, умалчивая об этих людях, значит отбросить в сторону основное, значит толковать об этом журнале, как всего лишь о любом другом.

Изменить цивилизацию — это всемирный проект, а не только французский. О таком всеобщем горизонте говорит само название — *Esprit*; оно заменило собой то, о чём первоначально мечтал Мунье — «Вселенная». Это начинание было удивительным для такого провинциала, как он: «добраться» до Парижа уже было приключением. Мунье был типичным французом из провинции, воспитанным в традиционном духе, который никуда ещё не выезжал и довольно слабо ориентировался в иностранных языках. Но уже первые шаги расчищали ему путь. К тому же, как это ни парадоксально, можно утверждать, что тогда ему было легче размышлять о мире вообще, нежели о наших днях. При этом Франция занимала у него центральное место; она бросала свет на иные земли, она была центром простирающейся «Империи». Париж был космополитическим центром, куда стекались зарубежные студенты и художники, политические изгнанники, все эти евреи из Центральной Европы и Германии, которые сыграют незаменимую роль преемников в культуре. Наконец, национализм ещё не перегородил планету; европейский «гуманизм» продолжал жить, тот «гуманизм», который, с тех пор как Берлин оказался в руках нацистов, обретался в Париже (Альбер Беген станет первым последователем Мунье в директорате *Esprit*). Третий Мир едва шевелился. Тогда именно Запад творил или пересотворял Историю, и Франция задавала здесь тон. Вот вам пример: в Нагасаки в 1972 году я повстречал японца, который поведал мне, что в октябре 1932 года он прочитал в *Figaro* объявление о выходе в свет *Esprit*, подписался на него и возобновил подписку после войны.

География *Esprit* в 30-х годах

Корреспонденты и группы сторонников *Esprit* образуют широко раскинувшуюся сеть, полное описание которой я не могу дать — только схему с концентрическими кругами.

А. Небольшое кольцо

1. *Бельгия* — «вторая родина» *Esprit*. Мунье проживал в ней с 1935 по 1939 год. Именно здесь жил его близкий друг Жак Лефранк, именно здесь он встретил ту, которая станет его женой. В 1934 году группы *Esprit* работают в Брюсселе, Лувене, Ганде и Льеже. Там будут проходить «конгрессы» бельгийских групп, которые вновь соединятся после войны (я принимал участие во многих из них).

2. *Швейцария* является вторым опорным пунктом *Esprit*. В Базеле, Берне, Фрибурге, Лозанне, Лейзене, Нёвшателе и Цюрихе имеются группы *Esprit*, поддерживающие взаимные связи.

Эта франкофонная линия чрезвычайно активна, она будет существовать до 60-х годов. Речь идёт не только о её членах и слушателях; эти группы берут на себя проблемы своих

стран и бьются не только за автономию, но и за влияние на персоналистское движение и на журнал *Esprit*, — влияние, которое выражается в их участии в общих собраниях и конгрессах, а также в систематическом сотрудничестве с журналом в целом или в его специальных номерах²⁰. Всем известно, какую роль сыграли в зарождении *Esprit* бельгиец Лёфранк и швейцарец Дени де Ружемон. Мюллер и Шордере, тоже швейцарцы, были всецело вовлечены в *Esprit*, как и Никлос, который просто-напросто присоединился к Мунье в Нёвшателе, чтобы создать там школу по перевоспитанию детей.

Б. Большой круг

В 1934 году в Голландии было четыре группы и один парижский корреспондент. В Великобритании — три группы. В Испании вскоре окажутся пять корреспондентов. Я останавливаюсь здесь на некоторое время, поскольку всё это было типичным для интернационализма *Esprit*: читающие номера журнала за 1936 год и следующие за ними отмечают, что влияние корреспондентов *Esprit* на иностранцев могло играть большую роль. В самом деле, *Esprit* сразу же точно определил существо франкистской агрессии, вместо того, чтобы делать из неё приложение к французским политическим перебранкам. Почти в каждом номере журнала участвовал один из испанских друзей *Esprit*, в частности, Хосе Бергамен, Ж.М. Семпрун и Гурреа. Письмо последнего Мунье и ответ на него Мунье (*Esprit*, май 1938 г.) свидетельствуют об интернационализме журнала, обсуждавшего войну в Испании, а также проблемы, которые начинали подниматься в колониях; речь шла, как и во всём мире, о чести и о будущем рода человеческого. Мунье всегда начинал с того, что читал письма и статьи зарубежных друзей и публиковал их, не рассчитывая на их последующий отклик.

Конечно, *Esprit* был в большей мере представлен в латинских ареалах, нежели в англо-саксонских, — в зонах, где преобладал католицизм, а не протестантизм. Поначалу существовал и проект по изданию франко-немецкого *Esprit*. Захват власти гитлеровцами свёл его на нет. Италия была фашистской, и там не вынесли бы журнала, который Муссолини считал опасным. Между тем после войны многие итальянские антифашисты знали об *Esprit* и читали журнал: после 1945 года в Италии возникали кружки, идейно близкие *Esprit*...

Вполне очевидным было проникновение *Esprit* в Латинскую Америку: там интеллектуальная элита подписывалась на журнал, но соответствующих групп не возникало. Между тем в Аргентине одна такая группа существовала, да и в Чили был корреспондент, помогавший чилийской социалистической партии бороться с угрозами и дававший уроки будущему главе Сопротивления...

Не будем забывать о том, что тогда называлось Империей. Департаменты Алжира в ту пору не были активны по отношению к *Esprit*. В Марокко же, затем в Тунисе, где в одном из коллегей преподавал наш старинный друг Марсель Регги, и Сенегале существовали и корреспонденты, и группы *Esprit*. (В Сенегале Сенгор будет свидетельствовать о влиянии *Esprit*, о котором он знал, когда ещё был студентом в Париже.)

²⁰ Например, в Бельгии: *Esprit*, февраль 1936 года. Это будет продолжаться и продолжаться. В 60-х годах около трети участников в еженедельных собраниях журнала была нефранцузской.

Литература

1. *Лакруа Ж.* Избранное: Персонализм / Пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2025. 522 с.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. М.: Парт. изд-во, 1933. XII, 620 с.
3. *Мунье Э.* Манифест персонализма / Пер. с фр. И.С. Вдовиной и В.М. Володина. М.: Республика, 1999. 559 с.
4. *Рикёр П.* История и истина / Пер. с фр. И.С. Вдовина, А.И. Мачульская. СПб.: Алетейя, 2002. 399 с.
5. *Lacroix J.* Le personnalisme comme anti-idéologie. Paris: Presse universitaire de France, 1972. 163 p.
6. *Lacroix J.* Mounier et creation d'Esprit // Le personnalisme d'Emmanuel Mounier hier et demain. Pour un cinquantenaire. Paris: Editions du Seuil, 1985. P. 40–57.
7. *Landsberg P.-L.* Problèmes du personnalisme. Paris: Editions du Seuil, 1952. 227 p.
8. Le personnalisme d'Emmanuel Mounier hier et demain. Pour un cinquantenaire. Paris: Editions du Seuil, 1985. 249 p.
9. *Lurot G.* Emmanuel Mounier. 2. Le lieu de la personne. Paris: L'Harmattan, 2000. 305 p.
10. *Lurot G.* Mounier. I. Genèse de la personne. Paris: Editions Universitaires, 1990. 320 p.
11. *Mounier E.* Destin du Spirituel. Éloge de la force // Esprit. 1933. No. 5. P. 819–826.
12. *Mounier E.* Le réel n'est à personne // Esprit. 1947. No. 2. P. 206–213.
13. *Mounier E.* Manifeste au service du personnalisme. Paris: F. Aubier, Editions Montaigne, 1936. 242 p.
14. *Mounier E.* Œuvres: en 4 t. T. 1: 1931–1939. Paris: Editions du Seuil, 1961. 940 p.
15. *Mounier E.* Œuvres: en 4 t. T. 2: Traité du caractère. Paris: Editions du Seuil, 1962. 793 p.
16. *Mounier E.* Œuvres: en 4 t. T. 3: 1944–1950. Paris: Editions du Seuil, 1962. 749 p.
17. *Mounier E.* Œuvres: en 4 t. T. 4: Recueils posthumes. Correspondance. Paris: Editions du Seuil, 1963. 911 p.
18. *Mounier E.* Traité du caractère. Paris: Editions du Seuil, 1947. 797 p.
19. *Mounier E.* Une vie // Esprit. 1950. No. 12. P. 923–1060.
20. *Ricoeur P.* Mounier philosophe // Le personnalisme d'Emmanuel Mounier hier et demain. Pour un cinquantenaire. Paris, Editions du Seuil, 1985. P. 219–230.
21. *Scheler M.* Situation de l'homme dans le monde / Traduit et préfacé par M. Dupuy. Paris: Aubier, 1951. 126 p.
22. *Weil E.* Logique de la philosophie. Paris: Vrin, 1974. 442 p.

References

1. Lakrua ZH. Izbrannoe: Personalizm / Per. s fr. I.I. Blauberg, I.S. Vdovinoj. M.; SPb.: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2025. 522 s.
2. Marks K., Ehngel's F. Nemeckaya ideologiya. M.: Part. izd-vo, 1933. XII, 620 s.

3. Mun'e E.H. Manifest personalizma / Per. s fr. I.S. Vdovinoj i V.M. Volodina. M.: Respublika, 1999. 559 s.
4. Rikyor P. Istoriya i istina / Per. s fr. I.S. Vdovina, A.I. Machul'skaya. SPb.: Aletejya, 2002. 399 s.
5. Lacroix J. Le personnalisme comme anti-idéologie. Paris: Presse universitaire de France, 1972. 163 p.
6. Lacroix J. Mounier et creation d'Esprit // Le personnalisme d'Emmanuel Mounier hier et demain. Pour un cinquantenaire. Paris: Editions du Seuil, 1985. Pp. 40–57.
7. Landsberg P.-L. Problèmes du personnalisme. Paris: Editions du Seuil, 1952. 227 p.
8. Le personnalisme d'Emmanuel Mounier hier et demain. Pour un cinquantenaire. Paris: Editions du Seuil, 1985. 249 p.
9. Lurol G. Emmanuel Mounier. 2. Le lieu de la personne. Paris: L'Harmattan, 2000. 305 p.
10. Lurol G. Mounier. I. Genèse de la personne. Paris: Editions Universitaires, 1990. 320 p.
11. Mounier E. Destin du Spirituel. Éloge de la force // Esprit. 1933. No. 5. Pp. 819–826.
12. Mounier E. Le réel n'est à personne // Esprit. 1947. No. 2. Pp. 206–213.
13. Mounier E. Manifeste au service du personnalisme. Paris: F. Aubier, Editions Montaigne, 1936. 242 p.
14. Mounier E. Œuvres: en 4 t. T. 1: 1931–1939. Paris: Editions du Seuil, 1961. 940 p.
15. Mounier E. Œuvres: en 4 t. T. 2: Traité du caractère. Paris: Editions du Seuil, 1962. 793 p.
16. Mounier E. Œuvres: en 4 t. T. 3: 1944–1950. Paris: Editions du Seuil, 1962. 749 p.
17. Mounier E. Œuvres: en 4 t. T. 4: Recueils posthumes. Correspondance. Paris: Editions du Seuil, 1963. 911 p.
18. Mounier E. Traité du caractère. Paris: Editions du Seuil, 1947. 797 p.
19. Mounier E. Une vie // Esprit. 1950. No. 12. Pp. 923–1060.
20. Ricoeur P. Mounier philosophe // Le personnalisme d'Emmanuel Mounier hier et demain. Pour un cinquantenaire. Paris, Editions du Seuil, 1985. Pp. 219–230.
21. Scheler M. Situation de l'homme dans le monde / Traduit et préfacé par M. Dupuy. Paris: Aubier, 1951. 126 p.
22. Weil E. Logique de la philosophie. Paris: Vrin, 1974. 442 p.

Personalism in France: 1932–1982

Vdovina I.S.,

DSc in Philosophy, chief researcher
at the Department of Contemporary Western Philosophy
at the Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences,
Russia, 109240, Moscow, Goncharnaya St., 12/1
ORCID ID: 0000-0002-1003-2108

isvdovina@mail.ru

Abstract: The article provides an analysis of the history of French personalism, a philosophical movement of the 20th century, based on the texts of speeches delivered by its key theorists at a colloquium organized in January 1985 by the *Association of Friends of Emmanuel Mounier* (*l'Association des Amis d'Emmanuel Mounier*), the founder and leading theorist of the movement. The colloquium was dedicated to the fiftieth anniversary of the first issue of *Esprit* (October 1932), the theoretical review of French personalism. During the sessions, 24 speakers from France, Great Britain, Italy, Brazil, Lebanon and other countries presented their reports; among them were those who had contributed to *Esprit* since its early issues. The proceedings of the colloquium were published in 1985 under the title *Le personnalisme d'Emmanuel Mounier hier et demain. Pour un cinquanteaire* (*Emmanuel Mounier's Personalism Yesterday and Tomorrow. On the Fiftieth Anniversary*).

Keywords: personality, subjectivity, consciousness, the unconscious, engagement, conviction, creativity, human reciprocity